

© 2023 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

ТЕХНО(КРАТО)СОЦИАЛИЗМ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИДЕИ Б. КИНГА И Р. ПЭТТИ

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmitriy90@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматривается концепция техносоциализма Б. Кинга и Р. Пэтти. Автор показывает, что данная концепция – результат синтеза многих интеллектуальных веяний последних лет: вера в технический прогресс и технологически обусловленное изобилие, дискурсы автоматизации и идеи наступления эры господства искусственного интеллекта, а также различные концепции посткапитализма, опирающиеся, в свою очередь, на идеи посттрудового общества, «капиталистического пути к коммунизму», безусловного базового дохода и т.п. Согласно Кингу и Пэтти, достичь социализма можно не путем политических революций или радикальных социально-политических трансформаций, а с помощью новейших технологий, роботов и искусственного интеллекта. Для этого нужно лишь перенаправить поток «даров автоматизации» от исключительно богатых ко всем остальным путем ряда косметических изменений вроде введения налогов на роботов и выплат безусловного базового дохода. В статье раскрываются уязвимые стороны позиции Кинга и Пэтти. Автор показывает, что их концепция репрезентирует технократическую классовую позицию, их взгляды на грядущее технологически обусловленное изобилие являются наивными и основываются на зыбких эмпирических основаниях. Техносоциализм Кинга и Пэтти оказывается при близком рассмотрении техно(крато)социализмом, так как их версия посткапиталистического общества характеризуется не столько подлинной реализацией личностного потенциала каждого, сколько радикальным социальным расслоением, деградировавшим и деквалифицированным трудом, «оптимизацией» таких важнейших сфер деятельности, как образование и медицина, а также перенаправлением материальных средств из области социальной политики в область потребления (базовый доход).

Ключевые слова: техносоциализм • посткапитализм • социализм • коммунизм • технократия • базовый доход • марксизм • постмарксизм • автоматизация • роботизация

DOI: 10.31857/S013216250027782-3

Введение. Недавно на русском языке вышла книга футуролога, предпринимателя, автора международных бестселлеров Б. Кинга и предпринимателя и ученого-экономиста Р. Пэтти «Техносоциализм: как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый мировой порядок» [Кинг, Пэтти, 2022]. Не будет преувеличением сказать, что книга знаковая. И не только потому что в ней поднимаются актуальные вопросы, даются оригинальные ответы и представлена яркая концепция. Появление книги, суммирующей все технооптимистические ожидания от грядущей эры посткапитализма, давно ожидалось. Отдельные ее концептуальные компоненты уже давно мелькали в трудах различных ученых и общественных деятелей, и теперь мы, наконец, имеем определенный, более или менее оформленный и последовательный теоретический

сюжет, уже одним своим названием приковывающий к себе внимание. Действительно, что может быть более актуальным в социальных науках, чем решение наиболее насущных проблем современности (а по сути – капитализма): социального неравенства, экологического кризиса, стремительных технологических изменений, влияющих на жизнь каждого. Причем впервые технооптимизм оформлен не просто в виде совокупностей разрозненных прогнозов или пространных концептов вроде «посткапитализма», но теперь прямо говорится о **техносоциализме**. В этом плане, правда, Кинг и Пэтти немного опоздали, т.к. еще в 2019 г. А. Бастани опубликовал книгу «Полностью автоматизированный роскошный коммунизм» [Bastani, 2019]. Эти книги очень похожи, поэтому можно было бы рассматривать их как часть одного идейного или даже идеологического феномена. Тем не менее здесь мы подробно остановимся именно на книге Кинга и Пэтти, так как она является, на наш взгляд, более проработанной и, что более важно, *симптоматичной*.

Говоря о «симптоматичности» книг вроде тех, что написали Б. Кинг, Р. Пэтти или А. Бастани, мы хотим подчеркнуть выраженный в них специфический взгляд на мир, свойственный многим современным технократам. Наша цель в данной статье раскрыть эту специфику. То, что преподносится как некий прорывной способ осмысления кризиса капитализма, как оригинальный путь к светлому будущему помимо умирающего капитализма и провалившегося бюрократического социализма, является по факту идеологической мистификацией, способствующей движению вовсе не к **техносоциализму** или «роскошному полностью автоматизированному коммунизму», а, скорее, к техно(крато)социализму, когда такие слова, как «социализм», служат лишь углублению социального неравенства.

Что такое техносоциализм? Как мы уже отметили, Кинг и Пэтти синтезировали ряд идей, сравнительно давно «напрашивавшихся» на слияние в цельную картину. Во-первых, они объединили ряд технооптимистических дискурсов, авторы которых стремятся показать, что «все не так уж плохо, как может казаться», то есть все гораздо лучше, чем представляют себе постмодернисты и прочие пессимисты, отрицающие прогресс и веру в рациональность. Это можно называть «рациональным оптимизмом» [Ридли, 2015] или убежденностью в продолжающемся прогрессе [Пинкер, 2021]. Согласно данной позиции, мы живем во время экспоненциального технологического развития, а поэтому вскоре наступит всеобщее изобилие, причем даже самые бедные смогут пользоваться всевозможными социальными благами (от дистанционного образования до телемедицины и «карманных» медицинских лабораторий) [Котлер, Диамандис, 2018]. Во-вторых, Кинг и Пэтти учли многочисленные работы об автоматизации и роботизации, вновь ставшие особенно популярными после Великой рецессии (2008–2013). В обширной литературе (см., напр.: [Форд, 2016; Бриньолфсон, Макафи, 2017; Сасскинд, 2020]) на эту тему говорится, что сегодня автоматизация уже точно достигла темпов, достаточных для обесценивания труда подавляющего большинства людей. Роботы и искусственный интеллект даруют материальное изобилие, но ценой размывания среднего класса. В-третьих, Кинг и Пэтти уловили соответствующий левый «ветер перемен», осознавая растущую популярность идеи социализма, а также многочисленных концепций посткапитализма [Мейсон, 2016; Срничек, Уильямс, 2019] или технологического «коммунизма» (как в сериале «Звездный путь» [Fraser, 2016]). Здесь речь идет о том, что технологически обусловленное изобилие может быть средством решения проблемы растущей технологической безработицы. Если сократить рабочее время, распределить его поровну между всеми и выплачивать всем безусловный доход (ежемесячные безвозмездные пособия), то это будет что-то вроде «капиталистического пути к коммунизму» [Ван Парайс, Вандерборхт, 2020], так как для этого не нужны такие вещи, как обобществление средств производства или построение плановой экономики. Люди получают материальные средства «по потребностям», обретут свободу от труда, а государство можно будет даже минимизировать, поскольку безусловные выплаты позволят людям самим распоряжаться своей жизнью.

Все это, собственно, и есть основные слагаемые книги Кинга и Пэтти. Начинают они с констатации фундаментальных вызовов, стоящих перед человечеством: неравенство,

пандемия, искусственный интеллект и климатические изменения. В неспособности адекватно ответить на эти вызовы Кинг и Пэтти резонно обвиняют капитализм, хотя каких-то точных дефиниций капитализма в книге мы не находим, что является одной из ее уязвимостей. Под капитализмом Кинг и Пэтти понимают не столько систему общественного производства, сколько некий «экономический фокус» на индивидуальных правах/собственности. Оттого их «техносоциализм» оказывается не столько результатом смены общественной формации (читай – самой общественно-экономической системы), сколько сдвигом экономического фокуса – некоей переориентацией на «более широкие» социальные цели (с. 46)¹. Кинг и Пэтти уходят и от точного определения техносоциализма: «это не политическое движение, это социальное следствие. Во-первых, он перезапускает долгосрочный экономический рост в рамках, не наносящих вреда экономике в целом, обеспечивая при этом максимальное участие всех граждан в экономической жизни. Во-вторых, он предлагает правительству большие возможности для инвестирования в технологическую инфраструктуру, что радикально повышает эффективность управления и тем самым устраняет большую часть споров по поводу финансирования и бюджетов, которые обычно ведутся вокруг государственных программ» (с. 49). И далее: «общество становится высокоавтоматизированным, большая часть человеческого труда заменяется машинным. Технологические достижения позволяют сделать жилье, здравоохранение, образование и прочие основные услуги повсеместными и дешевыми. Капитализм перестраивается ради долгосрочной устойчивости, равенства и прогресса человечества в целом. Усилия по смягчению последствий изменения климата порождают многовековое глобальное экономическое сотрудничество» (с. 51). Иными словами, мы не находим здесь ничего из того, что привычно ассоциировали со словом «социализм» (вроде обобществления средств производства), кроме «повсеместности» социальных услуг. Авторы и не отрицают своего «эпистемологического разрыва» со старыми представлениями о социализме, отрекаясь от опыта таких стран, как Венесуэла (с. 16). Правда, тогда речь, по существу, идет вовсе не о социализме, а о переориентации капитализма на общее благо с помощью серии косметических реформ, но главное – при задействованных «дарах автоматизации». Поэтому читателя не должно удивлять, что они несколько раз в книге гадают без какого-либо критического посыла, кто же будет первым триллионером (!): реального решения проблемы социально-экономического неравенства авторы так и не предлагают, в тексте нет ничего о перераспределении богатства, кроме ряда очень косвенных предположений (см. ниже).

В принципе, основная часть книги Кинга и Пэтти – это агрегация технооптимистической мифологии на основе смелых прогнозов футурологов, пресс-релизах технологических стартапов, новостях о тех или иных прототипах, об очередных успехах искусственного интеллекта (ИИ) и т.п. Согласно этой мифологии, изобилие и равенство будут обеспечены не государством, не масштабной политикой по созданию рабочих мест, не упорной политической борьбой обездоленных и социально уязвимых, а технологиями. Здесь Кинг и Пэтти повторяют многое из того, за что критики буквально высмеивали А. Бастани и его «полностью автоматизированный роскошный коммунизм». К примеру, Кинг и Пэтти все-таки говорят о добыче полезных ископаемых на астероидах, которая «полностью изменит рынки» (с. 121). Буквально все источники «даров автоматизации», описанные в книге Кинга и Пэтти, существуют либо в виде прототипов или «зачаточных» проектов (например, автономный углеродно-нейтральный транспорт, генная терапия), либо еще чаще в виде привлекающих внимание СМИ бизнес-моделей, рентабельность которых крайне сомнительна (технологии улавливания углерода из атмосферы, выращенные в лаборатории мясо и рыба). «Вскоре, – пишут они, – у нас появится технология, позволяющая продлить жизнь, сделать человечество мультипланетарным видом и удовлетворить основные потребности любых мужчины, женщины и ребенка на планете» (с. 16). Наивный оптимизм

¹ Здесь и далее постраничные ссылки на рецензируемую книгу даны в круглых скобках.

Кинга и Пэтти заметен, скажем, по «легкости» способа решения проблемы глобального потепления, предлагаемого ими. По их мнению, нужно просто перестать инвестировать в ископаемое топливо и строить больше ветряных и солнечных электростанций, поскольку вырабатываемая ими энергия уже самая дешевая. Разумеется, если бы Кинг и Пэтти копали глубже, чем пресс-релизы и публикации политических активистов, то усомнились бы в столь оптимистичном взгляде на «легкий» и «быстрый» энергетический переход (это попросту невозможно сегодня и/или неимоверно дорого [Smil, 2022]).

Техносоциализм Кинга и Пэтти в какой-то степени является антисоциализмом, так как в их суждениях часто встречаются имеющие явно неолиберальный оттенок пассажи об *оптимизации* с помощью технологий областей деятельности, имеющих ключевое значение для воспроизводства социума и *развития личности*. Нужно ли вкладывать огромные суммы в качественное и доступное образование? Не обязательно, ведь «доступ к контенту мирового уровня все чаще будет бесплатным или недорогим» (с. 272). Обучение в классе отойдет на второй план. Личные контакты станут необязательными. Напрашивается вывод, что вместо учителей можно разместить роботов, а то и вовсе закрыть все школы и университеты и дать людям возможность обучаться самостоятельно с помощью онлайн-курсов или видеозаписей (или «под крылом» определенной корпорации). По мнению авторов, «реальное будущее образования заключается в значительном снижении затрат и повышении эффективности учителей» (с. 277). То же самое они пишут про медицину. Искусственный интеллект де уже позволяет диагностировать болезни. В будущем датчики будут осуществлять круглосуточный мониторинг состояния организма. Секвенирование генов улучшит диагностику. Достаточно будет одного смартфона, чтобы решать большую часть медицинских проблем. Далее Кинг и Пэтти вновь пишут о «резкой оптимизации» сферы здравоохранения, ориентированной на данные и ИИ (с. 303–304). Такой имеющий отчетливый неолиберальный оттенок «дискурс экономии» пронизывает книгу насквозь. Еще один пример. Когда они говорят о доступном жилье, то делают это вовсе не из-за сострадания к бездомным, а потому что нужно более экономически целесообразное решение: «средние расходы правительства на бездомных фактически можно было бы сократить на 49,5%, если размещать их в ночлежках» (с. 279). Как они сами выражаются, «это не социализм, а бизнес-кейс» (с. 309).

Такая несоциалистичность техносоциализма Кинга и Пэтти проявляет себя повсеместно в их книге. Они развивают свою мысль: переход к техносоциализму будет осуществлен не в результате чего-то вроде народной борьбы против угнетателей, а по большей части «сверху» и превентивно, чтобы не допустить взрыва протестной активности (с. 311–323). Инициаторами перемен выступают не народные массы, а бренды и компании XXI века: они «должны будут развивать культуру, основной задачей которой станет переподготовка персонала, а не простая замена людей автоматами» (с. 422). Но самые яркие субъекты в их концептуальных построениях – это технологические корпорации и инвестиционные гиганты вроде BlackRock. Инвесторы якобы постепенно меняют свои ценности на более социально ориентированные и будут менять мир к лучшему: «действия акционеров, направленные против корпораций и их советов директоров, тормозящих развитие общественного сознания, будут продолжаться и дальше, а в течение следующего десятилетия приобретут еще более громкий и преобразующий характер» (с. 455).

Этим акционерам, по всей видимости, и адресуют Кинг и Пэтти свои предложения: они должны направить порожденное технологиями изобилие в нужное (техносоциалистическое, а не, скажем, неофеодальное) русло. Практических предложений у авторов немного: автоматизация управления как на национальном, так и на общемировом уровне; сокращение военных расходов; ликвидация субсидий на ископаемое топливо; введение глобальной минимальной ставки корпоративного налога для многонациональных компаний в размере не менее 15%; создание фонда по борьбе с изменением климата со взносами, исчисляемыми в размере 2% от ВВП для развитых стран, 1% ВВП для развивающихся; введение налога на роботов и ИИ; выплаты безусловного базового дохода

(правда, без конкретизации размера выплат) (с. 484–522). По их мнению, доходы от корпоративного налога можно направить на социальные цели, а налог на роботов и ИИ позволит выплачивать базовый доход. Правда, Кинг и Пэтти даже примерно не прикинули, насколько реалистичны их предложения с финансовой точки зрения. На все возможные вопросы они подготовили один универсальный ответ: ИИ и роботы обеспечат человечество таким неимоверным богатством, что даже небольших налогов хватит на то, чтобы технологический прилив поднял все лодки. Но это странно. По некоторым подсчетам, для выплат в США базового дохода в размере \$1000 в месяц каждому взрослому гражданину (ниже черты бедности) потребовалось бы \$2,544 трлн – при том, что все расходы федерального бюджета США в 2019 г. составляли примерно \$4,5 трлн [Капелюшников, 2020: 32]. Если же говорить о каких-то более или менее приличных суммах, обеспечивающих достойную жизнь, то потребуются расходы, эквивалентные всему государственному бюджету. Иными словами, либо это популизм, вытекающий из веры в технологии, либо Кинг и Пэтти намеренно обходят данный вопрос стороной, принося настоящее (с его вполне реальными обитателями, страдающими от вполне осязаемых проблем) в жертву неопределенному будущему.

Таким образом, мы имеем дело с весьма странным концептуальным построением. Это набор преобразующих идей, имеющий левый оттенок и даже претендующий на предложение альтернативы капитализму, но он не сильно отличается от капитализма в его неолиберальной форме. Все социальные и политические инструменты движения к посткапиталистическому обществу заменяются технологическим суррогатом. В таком случае, стоит признать, человечество действительно может достичь посткапиталистического состояния. В конце концов, полностью или почти полностью автоматизированное производство теоретически достижимо, как и ситуация, когда большая часть «лишнего» населения содержится на небольшую ренту (и, стало быть, большинство людей не являются субъектами капиталистических общественных отношений) [Мартьянов и др., 2019]. Причем существеннее может оказаться даже не технологическая реальность «полной автоматизации», а последствия политических дебатов о ней. Минимизация труда и жизнь на пособия огромных масс людей возможна уже сегодня. Но социально конструируемое здесь трудно отличить от объективно возможного. Посткапитализм таких авторов, как Кинг и Пэтти, трудно называть даже *техносоциализмом*. Скорее, это идейный срез классового сознания технократов.

Классовая подоплека техно(крато)социализма. Не вызывает сомнений, что позиция Кинга и Пэтти является классово обусловленной, она выражает определенное мировидение и мироощущение, свойственное технократическим элитам. Конечно, в большинстве случаев это представители буржуазии, но не обязательно. Можно говорить о специфической социальной прослойке, состоящей из тех, кто занят в высокотехнологических секторах экономики и разделяет меритократические и индивидуалистические ценности. Это могут быть не только капиталисты или инвесторы, но и молодые программисты и прочие искатели успеха на просторах Кремниевой долины. Р. Барбрук и Э. Кэмерон еще в 1996 г. предложили называть веру в спасительную роль информационных технологий, способных самим фактом своего появления и воплощения в жизнь обеспечить кардинальную перестройку всей системы отношений в любой социальной сфере и любом социальном институте, «калифорнийской идеологией» [Barbrook, Cameron, 1996]. С тех пор мало что изменилось. Знаменитый журналист У. Сторр посетил Кремниевую долину и опросил IT-специалистов (опросил он и Д. Фабера, руководителя Deep Space Industries, – того самого предпринимателя, предложившего добывать полезные ископаемые на астероидах) на предмет их убеждений и ценностей. Согласно его выводу, местные «технари» и стартаперы в большинстве своем индивидуалисты, превозносят книгу Э. Рэнда «Атлант расправил плечи» и верят в то, что их прорывные технологические идеи изменят мир к лучшему (и заодно обогатят их самих). Почти все они убежденные либертарианцы, верящие, что именно технологии обеспечат изобилие и лучшее будущее для всех, а не государство. Как сказала

Сторру одна сотрудница стартапа, занимающегося разработкой вегетарианского мяса, обитатели Кремниевой долины «не задумываются о негативных последствиях, если они не касаются их самих. Они искренне хотят изменить мир, но не думают о системах и о том, как то или иное новшество может навредить старому миру» [Сторр, 2019: 333]. Есть и более количественные оценки. Исследователи из Стэнфордского университета опросили более 600 представителей технологических компаний (группа в основном миллионеров) в 2017 г., выявив их политические предпочтения. Их результаты показывают, что Кремниевая долина находится на стороне Демократической партии: большинство предпринимателей выступают за высокие налоги для богатых, щедрые социальные услуги для бедных, они либеральны в своих взглядах на свободную торговлю и иммиграцию. Защита окружающей среды и неравенство в доходах были оценены ими как «чрезвычайно важные». Но были две ключевые области, где взгляды предпринимателей Кремниевой долины расходились со взглядами демократов, что сближало их с избирателями-республиканцами: сильная оппозиция профсоюзам и государственному регулированию [Broockman et al., 2019]. Это отчасти согласуется с позицией Кинга и Пэтти: своеобразный универсальный гуманизм, антирасизм и толерантность вперемешку с косметической политикой технократической благотворительности (выплата безусловного дохода всем потерявшим «трудовую субъектность» за счет роботов), но только не какие-то принципиальные изменения, не антирыночные решения и минимум государственного вмешательства.

То, что Кинг и Пэтти выражают именно технократическую позицию, также несомненно. Предисловие к их книге написал Г. Клур, генеральный директор и основатель Beyond Imagination – компании, занимающейся интерфейсами мозг-компьютер. Когда речь заходит о безусловном доходе, то Кинг и Пэтти, не скрывая своего восхищения, перечисляют всех топ-менеджеров и владельцев глобальных корпораций, поддержавших данную идею. Среди них И. Маск (Telsa/SpaceX), Дж. Безос (Amazon), Дж. Ма (Alibaba / Ant Financial), М. Цукерберг (Facebook²), Дж. Дорси (Twitter) и др. (с. 330–331). Сразу же возникает вопрос: если идея базового дохода столь популярна у самых главных эксплуататоров этого мира, то нет ли здесь какой-то ловушки? Она, на наш взгляд, есть.

Ловушка технократии. Ключевая проблема, связанная с такими концепциями, как техносоциализм Кинга и Пэтти, в том, что даже если их взгляды на скорую всеобщую автоматизацию и роботизацию являются социально сконструированными и «фантомными», то их идея технологической «оптимизации» таких сфер деятельности, как медицина и образование, вполне реальна и уже вполне реализуема сегодня. То есть дискурсы автоматизации и роботизации могут служить для легитимации выбора наиболее минималистических стратегий социальной политики: зачем вкладываться в развитие человека, если все усилия тщетны, а труд людей будет заменен ИИ и роботами? Проще выплатить всем базовый доход, а средства на это найти путем сокращения или полной ликвидации институтов государства всеобщего благосостояния. В конце концов, люди, получая ежемесячные \$1000, вполне могут скачать на свои смартфоны медицинские приложения или просматривать обучающие видеоролики, вообще не тратясь на образование. Иными словами, «техносоциализм» оказывается, по сути, радикальным неолиберализмом³.

Какая судьба уготована человечеству, согласно современным технократам? Старший преподаватель права в Национальном университете Ирландии (NUI) в Голуэе Дж. Данахер представил свое видение, являющееся типично технократическим. По его мнению, есть только два варианта будущего, когда у людей еще остается смысл существования в эпоху

² Принадлежит Meta, запрещенной на территории России.

³ Возможно, это следствие ситуации, когда «капитализм заканчивается, а предыстория – нет» [Фишман, 2022], то есть все равно остаются элиты разного толка от капиталистов до креативщиков, стратаперов, обитателей университетских кампусов и знаменитостей, с которыми непонятно что делать, так как «эксплуатировать» их все менее выгодно. Элитам такого мира продолжающейся предыстории хорошо подходят технократически-оптимизирующие дискурсы, которые можно представить как квазилевые.

«разумных машин». Первый вариант – это киборгизация и «гонка вооружений» с роботами с целью сохранения трудовой субъектности. Однако такой вариант не нравится Данахеру. Он считает труд бременем и не уверен, что люди долго смогут составлять конкуренцию роботам и ИИ. Соответственно, он отдает предпочтение второму пути: «утилизации» людей в виртуальных мирах. Данахер, разумеется, не выражается столь грубо. Он позитивно смотрит на то, чтобы люди будущего искали смысл жизни в компьютерных играх. «Переход к миру, в котором мы проводим большую часть нашего времени, играя в игры, станет значительным общественным достижением» [Danaher, 2019: 251]. Правда, не стоит удивляться тому, что и Данахер выстраивает свои суждения преимущественно на футурологических экстраполяциях и пресс-релизах технологических компаний. Позиция Данахера также звучит как призыв расслабиться и ничего не делать: все и так хорошо. Современная индустрия развлечений снабжает потребителей дешевыми развлечениями, а значит, утопия мира «после работы» близка (и вовсе не утопия, а ближайшая реальность).

Возможно, если бы перспектива грядущего восхождения роботов и ИИ действительно была близкой и актуальной, мы могли бы рассматривать «утопию игр» или «техносоциализм» всерьез. Тем не менее в своих попытках представить грядущую всеобщую роботизацию и торжество ИИ как нечто неизбежное такие авторы, как Данахер, а вместе с ним Кинг и Пэтти, терпят неудачу. Мы не будем здесь разбирать известные прогнозы о том, что через несколько десятков лет 50% и более профессий исчезнут, и подобные им. Р. Капелюшников представил исчерпывающий обзор, показывающий, что такие прогнозы неоднократно оказывались провальными [Капелюшников, 2017]. Для нас важны идейная и социальная стороны вопроса.

В книге «Конец труда: как обещанная автоматизация ухудшила работу» преподаватель истории Колумбийского университета Дж. Резникофф убедительно показывает, что дискурс автоматизации, берущий начало в 1950-х гг., всегда был идеологией. Этот дискурс убедил рядовых представителей общества в том, что трудовая деятельность несовместима со свободой. Лидеры профсоюзов, представители новых левых, архитекторы войны с бедностью, феминистки, законодатели и теоретики освобождения чернокожих приняли не только веру в скорое удаление всего труда из промышленности, но также и деградировавшее определение работы, которое подразумевал «дискурс автоматизации». Вместо того, чтобы обвинять начальство в гнетущих условиях наемного труда, рабочие все чаще обвиняли во всех грехах саму «работу». Однако автоматизация не всегда означала меньше труда или меньше занятых рабочих. Напротив, наиболее «автоматизированные» производства характеризовались ускорением темпов труда и необходимостью двигаться в одном темпе с машинами. «Да, внедрение машин могло уменьшить количество человеческого труда, необходимого для производства товаров, но оно также затуманило отношения между людьми. В этих условиях социальное господство может показаться продуктом действий машин, а не решений менеджеров, финансистов и законодателей, которые, конечно, слишком человечны» [Resnikoff, 2022: 198–199]. Вся суть дискурса автоматизации заключается в том, что «работодатели внедряют технические новшества для ускорения, деградации и интенсификации человеческого труда, позволяя им нанимать меньше рабочих и заставлять потеть тех, кто остался. Работодатели называют это трудосберегающими технологиями; они называют это “автоматизацией”» [ibid.: 189].

Сегодня подобное наблюдается повсеместно. Л. Манн, исследователь из Аотеароа (Новая Зеландия), в книге «Автоматизация – это миф» показывает, что автоматизация является социальным конструктом, сотканным из материалов СМИ и популярных бестселлеров. Миф об автоматизации является набором абстрактных суждений и прогнозов, оторванных от социального контекста. Когда социологи сталкиваются с реальными рабочими, с реальными производствами, то они начинают с большим скепсисом смотреть на перспективу внедрения роботов и ИИ. Несмотря на риторику, уверяющую нас в неизбежности скорой тотальной автоматизации, когда машины будут работать полностью независимо, заменив производство и сделав человека устаревшим, Манн показывает, что

работа состоит из ряда нетривиальных проблем, полных несоответствий и крайних случаев. Даже самый «примитивный» труд, оказывается, очень сложен и сильно дифференцирован. Задачи могут требовать огромного разнообразия жестов рук, глубоких знаний предметной области для принятия решений или способности импровизировать и справляться с кризисами. Свои наблюдения Манн подкрепляет собственными исследованиями высокотехнологичных складов, где все еще работает очень много работников-людей. Но эти работники-люди испытывают возросший стресс, так как вынуждены в «автоматизированных» местах подстраиваться под безумный ритм складских роботов. Но важнее даже другое: «автоматизация вводит спектр работ, значительная часть которых является низкооплачиваемой, монотонной, ненадежной – или всем вышеперечисленным» [Munn, 2022: 30]. Такие разновидности работы часто скрыты, «невидимы». М.Л. Грей и С. Сури, к примеру, говорят о «призрачной работе» [Gray, Suri, 2019]. Как они показывают, услуги, предоставляемые такими компаниями, как Amazon, Google, Microsoft и Uber, могут функционировать без сбоев только благодаря суждениям и опыту огромной, невидимой человеческой рабочей силы. Эти люди, выполняющие «фантомную работу», заставляют ИИ казаться «умным». Они выполняют высокотехнологичную сдельную работу: помечают контент с рейтингом X, корректируют тексты и многое другое. Они зарабатывают меньше установленного законом минимума для традиционной работы, у них нет медицинских пособий, их могут уволить в любое время по любой причине. Все это, разумеется, внешне выглядит в высшей степени «автоматизированным». Ф. Джонс также замечает в книге «Работа без рабочего: труд в эпоху платформенного капитализма», что магия машинного обучения – это рутинная маркировка данных. Он говорит о возросшей популярности т.н. «микроработы», когда на таких платформах, как Mechanical Turk, люди занимаются часто изматывающей эмоционально рутинной, модерирова соцсети (на предмет подчас шокирующих материалов) или «обучая» ИИ за сущие гроши. По его оценкам, в настоящее время число «микрорабочих» составляет не менее 20 млн человек, большая часть которых проживает на Глобальном Юге, в Южной Америке, Восточной Азии и на Индийском субконтиненте. Как пишет Джонс, «теоретики автоматизации, скептики или противники, обычно сосредотачивают дискуссию на массовой безработице. Но армагеддон безработных – отвлекающий маневр. Вместо этого мы видим, как все больше рабочих мест в сфере услуг трансформируется в гиг-, микро- и краудворк, где работа над алгоритмом и вместе с ним – это форма, которую обычно принимает автоматизация. В случае микроработы эти “работы” слишком часто напоминают безработицу» [Jones, 2021: 52].

Одно исследование как нельзя лучше продемонстрировало мифологичность дискурса автоматизации. Дж. Райт, научный сотрудник Института Алана Тьюринга, провел длительное исследование (2016–2020) с помощью методов этнографии и интервью в японских домах престарелых и в технологических корпорациях, занимающихся производством роботов, которые, как предполагается, помогут решить проблему ухода за стареющим населением. Это, как известно, очень серьезная проблема для страны, проводящей политику недопущения массовой иммиграции. Данное исследование позволило проверить сразу несколько распространенных представлений о будущем роботизации и ИИ: люди-работники будут не нужны, роботы и ИИ обеспечат людей всем необходимым и т.д. Подобные технократические взгляды оказались близки японскому правительству. Однако исследование Райта показало, что в реальности все намного сложнее. Сложности начинались уже на стадии разработки. Райт указывает на бюрократические издержки процесса разработки роботов для *care work*, на отчужденность групп разработчиков друг от друга и, главное, на отчужденность разработчиков от конечных потребителей – престарелых. Для разработчиков был характерен настрой на рационализированную, тейлоризированную и дегуманизированную версию заботы. Как отмечает Райт, «внизу этой иерархии находится взаимодействие человека и робота (HRI), которое многие инженеры считают тривиальной гуманитарной наукой» [Wright, 2023: 56]. Далее Райт перемещается в один из домов престарелых, где наблюдает за самим процессом ухода. Он замечает, что труд

сотрудников очень индивидуален, наполнен эмоциями, общением, шутками и постоянным решением нетривиальных задач, так как каждый пациент также обладал индивидуальными особенностями или болезнями. Знание особенностей жильцов позволило обслуживающему персоналу замечать болезни до того, как они ярко себя проявят. При этом очень важную роль играли тактильные ощущения: прикосновения, поглаживания, объятия способствовали эмоциональному сближению работников и жителей. Наконец, Райт наблюдал за попытками внедрения роботов в повседневную жизнь дома престарелых. Всего было три робота: Hug (робот-подъемник), Pargo (робот-игрушка в виде разговаривающего детеныша тюленя) и Perrege (универсальный робот, осуществляющий функцию присмотра, проводящий физкультурные занятия и т.п.). Как в итоге оказалось, ни один из роботов не имел значимого успеха ни среди сотрудников, ни среди жителей. Hug был грубый, от него у многих жителей болели руки, а работники, несмотря на постоянные боли в спине, все равно предпочитали переносить стариков вручную, поскольку это позволяло сохранить тактильную близость и учитывать их индивидуальные особенности. Pargo пользовался успехом лишь у некоторых жителей, однако из-за него возникали новые проблемы: к примеру, страдающая деменцией старушка подумала, что это ее ребенок и начала заботиться о нем, перестав принимать пищу и разговаривать с другими людьми. Perrege создавал больше работы, а не экономил ее. На физкультурных занятиях он вызывал интерес лишь в тех случаях, когда все его движения повторял сотрудник-человек. Как резюмирует Райт, «технократы в правительстве и МЕТИ предполагали, что роботы будут средством сокращения затрат и экономии труда, помогут обуздать растущие государственные расходы на уход. Но, наоборот, роботы для ухода стоят дополнительных денег и требуют дополнительного труда» [ibid.: 141]. По наблюдениям Райта, поднявшего статистику внедрения подобных роботов в других домах престарелых, ни одна из моделей роботов так и не возымела массового спроса. Райт делает еще одно важное наблюдение. Роботы вроде Perrege как бы потенциально *деквалифицировали труд*: уход за роботом был в большинстве случаев проще, чем уход за человеком, не требовал коммуникативных навыков и даже владения японским языком. В этом наблюдения Райта пересекаются с замечаниями авторов, упомянутых выше: автоматизация в современных условиях служит не столько вытеснению людей, сколько *деквалификации труда*, его *обесценению, экономии средств за счет качества*. В доме престарелых реально никакой экономии, разумеется, не было, но гипотетически она возможна, если, скажем, вместо сотрудников-японцев нанять больше не знающих японского языка мигрантов, основная роль которых могла бы заключаться в передвижении и обслуживании роботов типа Perrege. Однако был в доме престарелых и другой путь улучшения жизни постояльцев: не роботизация, а *гуманизация труда* путем уменьшения трудовой нагрузки (заметим, это подразумевает *больше сотрудников-людей*), замены рутины творческими компонентами (шутки, небольшие стендап-шоу, непосредственное общение с жильцами и прочее).

То, что выявил Райт, можно экстраполировать на многие другие сферы труда, включая медицину и образование. Профессор Бруклинской школы права, специалист в области правовых исследований искусственного интеллекта Ф. Паскуале также замечает, что внедрение искусственного интеллекта и роботов – удобный повод для технократов сэкономить на медицине и образовании за счет «человечности» труда. «В обычной медицинской практике, – пишет он, – слишком много неопределенности, чтобы целиком сводить ее к алгоритмам, которые обычно в шутку называют «поваренной медициной». Пациенты хотят также, чтобы осмотр вел человек, готовый посочувствовать их страданиям и их подбодрить, дабы они быстрее выздоравливали. Точно так же многие родители, вероятно, не захотят, чтобы их детей учил общенациональный учитель, транслируемый по телевидению или радио, и неважно, какого сокращения налогов, выплачиваемых на систему образования, удалось бы при таком подходе достичь» [Паскуале, 2022: 56]. Здесь мы лишь могли бы добавить следующее: если уж и говорить о возможном технологически обусловленном изобилии, то подлинное такое изобилие должно позволять *расширять*

человеческий труд и делать его более важным и значимым, а не сокращать его, так как бороться за полноценное развитие личности и здоровье каждого можно, по сути, с применением бесконечно возможных человеческих усилий (люди стареют и можно бесконечно долго бороться за жизнь каждого, применяя все новые и новые медицинские технологии, а сделать из каждого яркую личность и дать этой личности полноценно развиваться – задача сверхсложная). Основные же тезисы Кинга и Пэтти – это рецепт деквалификации соответствующего труда. Это, несомненно, позволит сэкономить, создав иллюзию технологически обусловленного изобилия, но только ценой снижения качества из-за утраты индивидуального подхода и аффективных компонентов взаимодействия. Миф об автоматизации трансформируется в миф о техносоциализме.

Заключение. Какой можно сделать вывод из сказанного выше? Прежде всего мы можем уверенно сказать, что в техносоциализме Б. Кинга и Р. Пэтти, собственно, нет ничего социалистического. Они выстраивают свои прогнозы о грядущем технологически обусловленном изобилии на весьма спорных данных, дабы обосновать не реальные социально-политические изменения, а их преимущественно технологический суррогат. Логика технократических дискурсов ведет не к коммунизму/социализму, а к обществу радикального социального неравенства. В таком обществе утрата трудовой субъектности для большинства людей наступает гораздо раньше, чем реальные роботы становятся по-настоящему умными и трудоспособными. Большинству «лишних людей» находится место в виртуальных мирах, о чем сегодня пишут уже напрямую, ничего не скрывая. На базовый доход можно будет содержать поколение «минималистов», довольствующихся миром дешевых развлечений и доступных гаджетов. Вместо мира, в котором происходит гуманизация труда и его качественное улучшение путем минимизации рутины и потогонной нагрузки, а также переориентации всех важнейших социальных институтов на человека и его развитие (прежде всего – в сферах образования и медицины), мы встречаем мир, где труд человека благодаря «автоматизации» деквалифицируется и унижается. Примечательно, насколько близко то, о чем пишут Кинг и Пэтти, тому, о чем пишут теоретики неофеодального общества. Как замечает Дж. Коткин, «точно так же неофеодальный порядок заменит акцент на восходящей мобильности и семье стремлением к комфортной, субсидируемой жизни, потворствуя цифровым помойкам, которые удерживают массы в их метафорических подвалах. Уже сейчас примерно половина всех американцев поддерживает идею гарантированного базового дохода в размере около \$2000 в месяц, если роботы оставят их без работы» [Kotkin, 2020: 224]. То есть, пытаясь избежать сценария неофеодального будущего, Кинг и Пэтти все равно из-за классовой обусловленности своего мышления конструируют мир, который по своему существу является неофеодальным или порождающим радикальное социальное неравенство (ведь на вершине социальной пирамиды останутся те, кто будет внедрять технологические инновации). Заметим, все это вполне себе посткапитализм. В конце концов, небольшая горстка следующих своей мечте об изменении мира технократов и все остальные, довольствующиеся жизнью на базовый доход и развлекающиеся в виртуальных мирах, – это уже не совсем буржуазная социальная структура. Может ли быть так, что в рассуждениях технократов о техносоциализме просматривается наше неизбежное антагонистическое будущее?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бриньольфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. М.: АСТ, 2017.
- Капелюшников Р.И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 111–140.
- Капелюшников Р.И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? М.: ВШЭ, 2020.
- Кинг Б., Пэтти Р. Техносоциализм. Как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый миропорядок. М.: Олимп-Пресс, 2022.
- Котлер С., Диамандис П. Изобилие. Будущее будет лучше, чем вы думаете. М.: АСТ, 2018.

- Мартьянов В.С., Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: ВШЭ, 2019.
- Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016.
- ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: ВШЭ, 2020.
- Паскуале Ф. Новые законы робототехники. Апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта. М.: Дело, 2022.
- Пинкер С. Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Риддли М. Рациональный оптимист. М.: Эксмо, 2015.
- Сасскинд Д. Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться. М.: Individuum, 2020.
- Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
- Сторр У. Селфи. Почему мы заиклены на себе и как это на нас влияет. М.: Индивидуум, 2019.
- Фишман Л.Г. Капитализм заканчивается, а «предыстория» – нет? // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 112–122.
- Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- Barbrook R., Cameron A. The Californian Ideology // Science as Culture. 1996. Vol. 6 (1). P. 44–72.
- Bastani A. Fully Automated Luxury Communism. New York: Verso, 2019.
- Broockman D.E., Ferenstein G., Malhotra N. Predispositions and the Political Behavior of American Economic Elites: Evidence from Technology Entrepreneurs // American Journal of Political Science. 2019. Vol. 63(1). P. 212–233.
- Danaher J. Automation and Utopia: Human Flourishing in a World without Work. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.
- Frase P. Four Futures: Life After Capitalism. New York: Verso, 2016.
- Gray M.L., Suri S. Ghost Work: How to Stop Silicon Valley from Building a New Global Underclass. New York: Mariner Books, 2019.
- Jones P. Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism. New York: Verso, 2021.
- Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. New York, Encounter Books, 2020.
- Munn L. Automation Is a Myth. Stanford: Stanford University Press, 2022.
- Resnikoff J. Labor's End: How the Promise of Automation Degraded Work. Champaign: University of Illinois Press, 2022.
- Smil V. How the World Really Works: The Science Behind How We Got Here and Where We're Going. New York: Viking, 2022.
- Wright J.A. Robots Won't Save Japan: An Ethnography of Eldercare Automation. Ithaca: Cornell University Press (ILR Press), 2023.

Статья поступила: 23.06.23. Принята к публикации: 27.07.23.

TECHNO(CRATO)SOCIALISM: A CRITICAL LOOK AT THE IDEAS OF B. KING AND R. PETTY

DAVYDOV D.A.

Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmity90@gmail.com).

Abstract. The article deals with the concept of technosocialism by B. King and R. Petty. The author shows that this concept was a result of a synthesis of many intellectual trends of recent years: belief in technological progress and technologically driven abundance, discourses of automation and ideas of the advent of the era of artificial intelligence dominance, as well as various concepts of post-capitalism, based on the ideas of post-labor society, the “capitalist road to communism”, unconditional basic income, etc. According to King and Petty, socialism can be achieved not through political revolutions or radical socio-political transformations, but with the help of the latest technologies, robots and artificial intelligence. All that needs to be done is to redirect the flow of “gifts of automation” from the exceptionally wealthy to everyone else through a series of cosmetic changes, such as taxation of robots and unconditional basic income. The article reveals the vulnerable sides of King and Petty position. The author shows that their concept represents a technocratic class position, their views on the coming technologically driven abundance are naive and based on shaky empirical grounds. The technosocialism of King and Petty turns out to be techno(crato)socialism when viewed closely, since their version of post-capitalist society is characterized not so much by the true realization of the personal potential of everyone, but by radical social stratification. It is also characterized by degraded and unskilled labor, “optimization” of such important areas of activity as education and medicine, as well as the redirection of material resources from the field of social policy to the field of consumption (basic income).

Keywords: technosocialism, post-capitalism, socialism, communism, technocracy, basic income, Marxism, post-Marxism, automation, robotization.

REFERENCES

- Barbrook R., Cameron A. (1996) The Californian Ideology. *Science as Culture*. No. 1: 44–72.
- Bastani A. (2019) *Fully Automated Luxury Communism*. New York: Verso.
- Broockman D.E., Ferenstein G., Malhotra N. (2019) Predispositions and the Political Behavior of American Economic Elites: Evidence from Technology Entrepreneurs. *American Journal of Political Science*. No. 1: 212–233.
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2017) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Danaher J. (2019) *Automation and Utopia: Human Flourishing in a World without Work*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fishman L.G. (2022) Capitalism is Ending, but “Prehistory” is Not? *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations]. No. 10: 112–122. (In Russ.)
- Ford M. (2016) *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Frase P. (2016) *Four Futures: Life After Capitalism*. New York: Verso.
- Gray M.L., Suri S. (2019) *Ghost Work: How to Stop Silicon Valley from Building a New Global Underclass*. New York: Mariner Books.
- Jones P. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. New York: Verso.
- Kapeliushnikov R.I. (2017) Is Technological Change a Devourer of Jobs? *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 11: 111–140. (In Russ.)
- Kapeliushnikov R.I. (2020) *Universal Basic Income: Does It Have a Future?* Moscow: VSHE. (In Russ.)
- King B., Petty R. (2022) *The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate will Usher in a New World*. Moscow: Olimp-Press. (In Russ.)
- Kotkin J. (2020) *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. New York, Encounter Books.
- Kotler S., Diamandis P. (2018) *Abundance: The Future Is Better Than You Think*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Mart'ianov V.S., Fishman L.G., Davydov D.A. (2019) *Rental society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow: VSHE. (In Russ.)

- Mason P. (2016) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Munn L. (2022) *Automation Is a Myth*. Stanford: Stanford University Press.
- van Parijs P., Vanderborght Y. (2020) *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Pasquale F. (2022) *New Laws of Robotics: Defending Human Expertise in the Age of AI*. Moscow: DELO. (In Russ.)
- Pinker S. (2021) *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Resnikoff J. (2022) *Labor's End: How the Promise of Automation Degraded Work*. Champaign: University of Illinois Press.
- Ridley M. (2015) *The Rational Optimist. How Prosperity Evolves*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Smil V. (2022) *How the World Really Works: The Science Behind How We Got Here and Where We're Going*. New York: Viking.
- Srnicek N., Williams A. (2019) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Storr W. (2019) *Selfie. How we Became So Self-Obsessed and What It's Doing to Us*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Susskind D. (2020) *A World Without Work: Technology, Automation, and How We Should Respond*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Wright J.A. (2023) *Robots Won't Save Japan: An Ethnography of Eldercare Automation*. Ithaca: Cornell University Press (ILR Press).

Received: 23.06.2023. Accepted: 27.07.2023.